

В. Ивашева

Художник социал-фашизма Джемс Уэлш

«Классическая страна реформизма»—Англия—явилась страной, где раньше и пышнее других стран расцвел на основе знаменитого «прикармливания» за счет колониальных сверхприбылей так называемый «буржуазный пролетариат», как его определял Энгельс.

«Английский пролетариат,—пишет еще в 1858 г. Энгельс в письме Марксу,—фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, повидимому, довести дело в конце концов до того, чтоб иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат рядом с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно».

«В обстановке роста империалистических противоречий, обострения классовой борьбы фашизм становится все шире распространяющимся методом господства буржуазии. Особой формой фашизма в странах с сильными социал-демократическими партиями является социал-фашизм, который все чаще служит буржуазии как средство парализования активности масс в борьбе против режима фашистской диктатуры. Всей этой чудовищной системой политического и экономического гнета, поддерживаемого международной социал-демократией, буржуазия пытается ликвидировать на многие годы революционное классовое движение пролетариата»,—читаем мы в тезисах к докладам Куусинена и Мануильского к X пленуму ИККИ, стр. 12.

В годы, протекающие между знаменательной Черной пятницей и локаутом угольной промышленности в 1921 г. и не менее знаменательным срывом всеобщей забастовки 1926 г., появляются писатели-рабочие как по своему происхождению, так и по внешним признакам своей тематики, которые долго и почти безоговорочно расценивались как писатели пролетарские, т. е., другими словами, как идеологи рабочего класса. Сюда относились такие имена, как Джемс Уэлш, Джо Корри, Стеси Хайд. Не подлежит сомнению, что литературный фронт идеологической борьбы давно использован партиями II Интернационала, давно стал трибуной, с которой выступают, а теперь все чаще и чаще, предатели рабочего класса, социал-фашистская агентура мировой буржуазии. Несомненно также и то, что выступления эти тем более опасны для пролетариата, чем более они прикрыты и замаскированы, чем больше бьют из-за угла. И,

как известно, в этой маскировке «левой» фразой контрреволюционной сущности раскрывается при внимательном изучении специфичность социал-фашистской литературы.

Остановимся на анализе творческого развития Джемса Уэлша, как одного из наиболее типичных писателей социал-фашизма, выступающих под маской писателей рабочего класса.

Джемс Уэлш, долго пользовавшийся у нас славой пролетарского художника,—типичный писатель английского социал-фашизма. Уже с 1924 г. он становится на четкие позиции буржуазной контрреволюции.

Биография Уэлша—биография многих вождей современного лейборизма. Член «рабочей» партии, реформист, недавний член парламента, открытый ненавистник коммунизма—таков политический профиль Уэлша на сегодняшний день.

Уже в первом литературном опыте писателя—стихотворном сборнике, изданном в 1917 г., «Песни шахтера»—творческий метод автора раскрывается как метод объективного идеализма. Хотя Уэлш здесь и крайне несамостоятелен, целиком находится под влиянием буржуазных поэтических направлений, но самый факт этой рабочей зависимости уже свидетельствует о круге влияний, в котором находится в этот период автор. Целиком раскрывается творческий метод Уэлша в вышедших один после другого в 1923—1924 гг. романах «Подземный мир» и «Морлоки»,—тематика обоих романов «рабочая». Уэлш обращается в первую очередь и почти исключительно к рабочим, причем в обоих романах ставит чрезвычайно ответственные проблемы, разрешение которых в том или другом направлении целиком определяет установки автора. В «Подземном мире» Уэлш выдвигает проблему стачечной борьбы, в «Морлоках»—проблему революционного восстания пролетариата. Разрешение их, вполне закономерное для писателя социал-фашизма, тем не менее представляет особый интерес, принимая во внимание исторический момент написания романов.

Как в одной, так и в другой книге Уэлш не скупится на изобразительные средства для показа бедственного положения беднейшего горняцкого пролетариата. Время действия—в первом случае стачечная борьба рабочих в Шотландии в 90-х гг. прошлого столетия, во втором—угольная стачка 1921 г. Уэлш, как писатель лейборизма, вполне закономерно предстает в роли защитника рабочих интересов, «болеющего душой» за пролетариат и пытающегося указать ему пути облегчения его тягостного экономического положения, не жалеющего именуемых в его распоряжении красок для показа нищеты, низкого культурного уровня и безотрадности положения рабочего-горняка. Однако Уэлш старательно обходит показ капиталистического производства, за которым необходимо было бы вскрыть существо капиталистической эксплуатации. Он подменяет классовые подразделения общества потребительским делением его на просто «богатых» и просто «бедных». В одном чрезвычайно существенном вопросе—в разрешении проблемы борьбы и революционной активности пролетариата—Уэлш в своей художественной практике действует вполне откровенно и идет по пути активной буржуазной контрреволюции.

В романе «Подземный мир», посвященном стачечному движению, социал-фашистская «левая»

фраза, прикрывающая настоящую сущность высказываний автора, цветет еще пышным цветом.

Однако в самой постановке проблемы романа Уэлш впадает в противоречие, которое обуславливается его идеологическими установками. Рабочее движение в Шотландии начинается в результате тяжелого экономического положения пролетариата, в частности пролетариата горняцкого. В то же время автор пытается доказать, что в сущности эксплуатации (со стороны хозяина местной копи) нет никакой. Рабочие терпят всяческие притеснения от штейгера Джока.

Все эти притеснения Уэлш осмысливает как личный произвол «плохого слуги», произвол, которому приходит конец, когда о нем узнает «справедливый хозяин», владелец каменноугольной копи.

Таким образом Уэлш здесь не только смазывает, а прямо искажает в самом показе основу эксплуатации капиталистического общества.

Прикрываясь щитом левой фразы, он своим показом дальнейшего развития рабочего движения пытается убедить в том, что борьба ни к каким реальным результатам не приводит, поскольку самый путь, самый метод борьбы ошибочен.

Трагическая гибель горняков в шахте, никак не изменившая к лучшему положение бастующих,—таков финал романа. Борьба рабочих обречена на неудачу. «Если бы все сообща захотели изменить жизнь, разве были бы на земле мечь, несчастье, бедность? Но вот чего я никак не пойму—как могут быть счастливы те, кто выколачивает свои деньги из наших жизней»,—говорит один. «Верно, верно Эндри,—отвечает собеседник,— и мы должны, как можем, работать, чтобы пришли лучшие времена. Иногда я чувствую, что мы близки к большим переменам: вот-вот люди очнутся от своего непонимания, сердца их переполнятся любовью и для всех настанет справедливость» (стр. 29).

Политические установки автора, все его мировоззрение в целом раскрывается в этом небольшом отрывке: установки эти—установки социал-фашистского предательства,—мировоззрение неокантианского ревизионизма, философии современного социал-фашизма. По учению вождей социал-фашизма этические идеалы, идеи и воля господствуют в обществе. Идеология развивается независимо от материальных интересов борющихся классов. Воля классов отрывается от противоречий общества, от борьбы классов. Теория общечеловеческих идеалов и нравственных целей подменяет собою теорию классовую борьбы. С изумляющим цинизмом мечтают теоретики социал-фашизма о духовном перерождении самих эксплуататоров. А отсюда социальная значимость романа «Подземный мир» может быть определена как социал-фашистская агитация, несмотря на всю шелуху прикрывающей еще его левой фразеологии.

Социальный смысл следующего романа Уэлша «Морлоки» становится понятным до конца только на основе тех выводов, к которым, как мы уже видели, приходит автор в своем первом романе. Само название романа крайне симптоматично: как известно, название это заимствовано автором у Герберта Уэллса, этого испуганного неизбежным ходом исторического развития мелкобуржуазного интеллигента, рисующего в своем романе «Машина времени» фантастиче-

ский образ пролетария грядущего—людоеда, монстра, образ, вызванный к бытию чрезвычайно недвусмысленной классовой идеологией. Уэлш не постеснялся позаимствовать у Уэллса глубоко враждебный пролетариату идейный мотив. «Морлоками» называет он тайные революционные организации рабочих, и, как показывает все развитие романа, рабочие-революционеры для Уэлша тоже оказываются своеобразными морлоками—страшной, губительной и еще в дополнение к Уэллсу бессмысленно действующей силой.

Революционное восстание пролетариата, вытекающее из стачечной борьбы, которое рисуется Уэлшем в «Морлоках», несомненно рисуется врагом пролетариата, врагом пролетарской революции.

Решающую роль в революционном восстании Уэлш отводит отдельным личностям-вождям. Декассированный интеллигент Сидней Беррон, рабочий горняк Аллан Ревни, анархист Барней—в центре развивающихся событий. Масса познается лишь как слепо идущее за ними стадо (знакомая тема в социал-фашистской литературе), разбегающееся при исчезновении вождей. Задача романа—показать преступность отдельных мечтателей,—так автор расценивает вождей пролетарской революции, ведущих слепые массы на губительные авантюры революционных восстаний.

Уэлш пытается показать всю неподготовленность страны к революции, а следовательно преждевременность революционных действий и в конечном счете всю губительность самого метода вооруженной борьбы с социальным злом.

Более того, революция для социал-фашиста Уэлша—«бунт», анархическая вылазка, приводящая лишь к углублению бедственного положения рабочих, «бунт», обреченный на неминуемую гибель.

Характерно, что в показе трудностей существования рабочих Уэлш в своем втором романе значительно сдержанней, чем в первом. Напротив, автор подчеркивает «скромное» благополучие до начала революционной борьбы и ужасы их бытия в связи с возникшим разветвлением восстания.

Чрезвычайно интересно для определения Уэлша замечание его в связи с описанием волнений в рабочем классе: «Все это происходило в ближайшие годы после великой войны,—войны, которая развеяла прахом гораздо больше, чем германский милитаризм. Весь мир пришел, казалось, в текучее состояние». Таким образом революционное движение—результат «брожения в умах», вызванного к жизни «германским милитаризмом» (!). Социал-фашист обнаруживает таким образом недавнего социал-империалиста. Начало забастовки в поселке отмечается разрушительным поджогом шахты, от которого прежде всего гибнут сами рабочие. Не умея показать массы, Уэлш дает лишь индивидуальные группы людей, руководящие событиями. Начавшаяся с поджога шахты революция развивается как механическое сцепление отдельных, разрушительных актов, причем особый интерес представляет мотивировка Уэлшем их возникновения. Уже с первых этапов его развития подчеркивается завершающая лишь в конце романа мысль автора: Виновный в «подстрекательстве» вождь Сидней Беррон уже после первого поджога начинает осознавать прежде-

временность своих выступлений. Рабочий Джексон говорит о неизбежной необходимости пролетарского революционного восстания. Организатор группы «морлоков» на это отвечает: «Я тоже так думал... Я даже начал работать в этом направлении. Но позже я пришел к убеждению, что одним этим мы не подвинемся по пути прогресса. Я только боюсь, что это может начаться теперь... если объявят забастовку, будет сделана попытка поднять народ на революцию» (стр. 137).

Таким образом подчеркивается неудовлетворенность революционного метода борьбы под видом преждевременности самой революции.

Отступившего от руководства дальнейшими событиями Беррона, испуганного направлением, которое принимало возбужденное им движение, заменяют—при переносе действия из поселка в небольшой соседний город—другие вожди.

Для дальнейших выводов необходимо остановиться на том, как в показе Уэлша революционные массы оказываются лишь механическим сцеплением личностей, слепым орудием в руках вождей как инициаторов, виновников и двигателей революционных движений.

Еще в романе «Подземный мир» Роб Синклер «уходит» в рабочее движение, чтоб «забыться», уходит после того, как окончательно рушится надежда на личное семейное счастье.

В романе «Морлоки» Сидней идет в революцию в результате личной неудачи, испытанной им при капиталистической системе общества. Вождь анархистов (таким закономерно представляет себе Уэлш вождя пролетарской революции)—Барней, горбун-неудачник. Наконец особенно типичный для Уэлша, близкий ему персонаж Аллан, мечтающий о «красоте» и «мире», также уходит в рабочее движение, обманутый в своих надеждах опять-таки на личное счастье. Аллан, проникнутый идеалистическими стремлениями «служить народу», мечтает при этом «предотвратить своими усилиями угрожающую опасность при столкновении двух различных направлений мысли», «взрыв революции, который «будет фатальным», «научить народ, что не только насилем можно добиться своего счастья» (стр. 200). Он попадает в показе Уэлша в группку революционеров-террористов, руководимых горбуном Барнеем. Совершенно случайно, путем насилия над его волей, как бы для того, чтобы лишний раз подчеркнуть мотив насилия там, где неудачи в жизни подготовили для этого насилия плодотворную почву, под дулом револьвера, под страхом смерти, вступает в революцию этот насильно вовлекаемый в нее идеалист-мечтатель, образец классического реформизма. Уже следуя за анархистами, идущими осуществлять свои террористические акты, Аллан не перестает размышлять над собой. Он «всегда был против насилия». Более того, «все его усилия были направлены к тому, чтобы вызвать у своих товарищей стремление к лучшей, более благородной жизни и к проповеди мирных методов борьбы» (стр. 201).

Таким образом вожди революции в понимании Уэлша—неизменные неудачники, отброшенные или не признанные капиталистическим обществом, люди, которым нечего терять, своего рода «богом обиженные». Следовательно революция, которую в представлении автора делают эти вожди, губительна для всего общества в целом. Революция—лишь преступное нарушение мир-

ного развития общества, вызванное личной инициативой людей, потерпевших неудачу при капиталистической системе, с которой они только поэтому и борются.

Социал-фашист Уэлш сбрасывает в своих «Морлоках» последние стыдливые маски оппортунизма и подает руку самым крайним теоретикам буржуазной контрреволюции.

И характерно, что в своей книге «Платформы консерватизма», снабженной предисловием тогдашнего премьера Болдуина, сэр Бэнкс, теоретик консерватизма, откровенный фашист, в 1929 г. дружески пожимает руку Уэлшу (Sir B. Banks. The conservative Outlook. 1929).

«Нормальный человек напрасно рассчитывает понять образ мышления социалиста (читай коммуниста.—В. И.). Это—урод (oddity). Исключая демагогии, он во всем терпит неудачу. Он видит, что мир его не приемлет, не оценивает его по его желанию, и что-то говорит ему, что мир прав. Это делает его придиричивым, раздражительным, и он пускается в разглагольствования о порочности устоев мира. В основном, это поза человека, обладающего «inferiority complex».

Чем же сэр Бэнкс в своем прямом высказывании отличается от художественных высказываний Уэлша? Разве только формой выражения одинаково воспринимаемых явлений.

Интересно отметить, как в показе романа самим автором подчеркивается тот факт, что сами революционеры, террористы, по Уэлшу, не верят в успех своих действий. «У революции очень мало шансов на успех в этой стране,—говорит один из анархистов.—Так же мало, как у итальянца, сбивающего мороженое в аду. Революция бывает тогда, когда страна для нее готова, а в этой стране народ слишком почтенен для восстаний» (стр. 212). Снова таким образом подчеркивается тема о «преждевременности», скрывающая враждебность автора к самому принципу революции, вводятся новые доказательства преступности вождей, ведущих массы на революционные действия, в успех которых они сами не верят.

Итак, в понимании автора заранее обреченный на неудачу революционный бунт—террористическая вылазка—приводит к своему неизбежному концу. Возникший как насилие, насилем подавленный, он приходит к концу, залил страну кровью, запалив пожарами, наполнив рабочие дома трупами, слезами и нищетой. Глубоко враждебный самим революционным методам борьбы, Уэлш, естественно, не может увидеть и диалектики революционного движения. Нарастание нового качества в каждом даже неудачном выступлении пролетариата ему совершенно непонятно. Революция осознается автором в полном согласии с его ролью лакея британской буржуазии.

Наконец в качестве завершительного аккорда, подчеркивающего на последних страницах книги мысль, положенную в основу произведения,—вовлечение в революцию слепых масс вождями-неудачниками, Уэлш изображает встречу Сиднея, бывшего вождя и инициатора революционного восстания с рядовым рабочим Дэвом и обвинительную речь рядового рабочего, направленную против него:

«Это ты был причиной всего этого,—воскликнул он,—со своей проповедью революции против существующей системы! Мы все были невежды,

пока ты не пришел к нам со своими разъяснениями о прибавочной стоимости и о том, что нас эксплуатируют. Мы не могли видеть отличия революции, которую ты проповедывал, от нашей революции. Ты толковал нам о революции в системе, но название—не наше дело. Тут был ненавистный класс, и твоя проповедь упала на готовую почву. О, проклятье тебе и твоей... Это ты и тебе подобные виноваты во всем. Вы ответственны за все бедствия.. и за смерть тысяч рабочих, которые умерли в нужде, стараясь провести политику твою и тебе подобных» (стр. 28).

Противоречат ли взгляды Уэлша на революцию, вскрывающиеся в попытках художественного ее познания в «Морлоках», политическим установкам социал-фашизма и его философии, вскрытым нами в первом романе автора «Подземный мир»? Совершенно несомненно, что Уэлш в «Морлоках» не только не отстает от своих первоначальных идеалистических установок, но укрепляет и подчеркивает их.

Преждевременность революции лишь «левая» фраза, правая сущность которой все то же неокантовское совершенствование, все та же идеалистическая пропаганда «мирного метода борьбы».

В полном соответствии со своим идеалисти-

ческим воззрением на общественное развитие разрешает Уэлш проблему человека и среды.

Не вдаваясь в дальнейшее рассмотрение особенностей творческого метода Уэлша, можно считать социальную роль его творчества в достаточной мере выясненной.

Не имея еще в настоящий момент возможности ответственно выступить с критикой последнего романа Уэлша, в котором он окончательно демонстрирует свой переход в лагерь британской буржуазии, мы, однако, даже по разобранному материалу можем уже с полной ответственностью квалифицировать его как давно и окончательно сформировавшегося представителя третьей партии буржуазии, партии социал-фашизма—лучшего помощника и лакея британского империализма, который на данном этапе все больше теряет авторитет и доверие неуклонно революционирующихся и переходящих под знамена компартии великобританских рабочих масс.

Разоблачение социал-фашизма все еще остается одной из основных задач работников на идеологическом фронте, прямая обязанность которых—показать мировому пролетариату истинное лицо международного социал-фашизма, сорвав с него маску левой фразеологии и вскрыв его контрреволюционную сущность.